

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ СМЕХОВОГО ЭЛЕМЕНТА В НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ КАК ФАКТОР КОРРЕКЦИИ КРИЗИСНЫХ СОСТОЯНИЙ

Т.И. Головки

Проблема амбивалентности смеха и смеховой культуры является одной из актуальных не только в культурологии и философии, но и в теории социально-культурной деятельности, поскольку она ориентирована на сложное восприятие мира и человека в мире. Однако исследование проблемы изучения смеха связано, по словам А.В. Дмитриева, с «акробатической» балансировкой на грани того, что можно назвать собственно «научным знанием», так как уложить его в чистые схемы невозможно, разбить на составляющие – проблематично [2, с. 144]. Как явление многогранное, феномен смеха может рассматриваться в различных аспектах: в физиологическом, психологическом, социальном, культурологическом, теоретико-информационном, эстетическом.

Вместе с тем, смех – это одна из существенных форм правды о мире в его целом, это особая универсальная точка зрения на мир, видящая мир по-иному, но не менее существенно, чем «серьезность». Отчуждение от комических и забавных сторон жизни оставляет в качестве единственного взгляда на мир только серьезность, что приводит к отрицанию многообразия реальности.

Наиболее фундаментальное исследование смехового элемента народной культуры осуществил в своей классической работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» М.М. Бахтин, определивший как категории смехового (комического), так и формы его проявления. При этом он отмечал, что организация жизни на смеховом начале возможна только при отчетливом представлении о нормах и отношениях реальной жизни. Структура «первой, фактической жизни является как бы точкой отсчета, относительно которой и становилась смешной жизнь «вторая», построенная как пародия на обычную, как «мир наизнанку». В нем нельзя оставаться самим собой, тут все меняются местами, но «голое отрицание совершенно чуждо народной культуре» [1, с. 16]. По словам Д.С.Лихачева, смеховой мир противопоставлен не просто обычному миру, а идеальному миру [6, с. 17]. По законам анти-идеала строится антипове-

дение, но в отличие от антисоциального поведения, оно представляет собой лишь отрицание идеала, причем отрицание, как правило, коллективное, символическое, безопасное и не только не подрывающее систему, но и необходимое для ее стабильности. По замечанию А.Г. Козинцева: «Смех – бессознательный метакоммуникативный сигнал, сопутствующий антиповедению. Чем сильнее налагаемый идеалом внутренний запрет на антиповедение, а значит и на смех, тем сильнее тяга к нему» [4, с. 152].

Формы антиповедения – многообразны. В первобытных обществах периодически устраивались специальные обряды, где люди коллективно демонстрировали друг другу «как не должно быть» и нарушали социальный порядок крайне грубыми способами, хотя и «понарошку». Такие формы поведения можно сравнить с клапанами для выпуска пара. Европейский карнавал, русские святочно-масляничные обряды, скоморошество, юродство, сквернословие – типичные формы антиповедения. На Святках и на Масленицу не просто разрешалось, но как бы даже полагалось символически «грешить» – не убивая и не воруя, но сильно переступая нормы умеренности в поведении. Так, например, все элементы карнавала удерживали в себе как структуру действительного, так и структуру карнавального мира. Обязательные для него переодевания и смена функций, перемещение верха и низа, использование разнообразных видов пародий и травестий, профанаций и шутовских увенчаний – развенчаний давали возможность попробовать себя в ином мире – в антимире, чтобы отрицая его хаос и беспорядок, ощутить необходимость и совершенство отвергнутого и вновь восстановленного мира. «В хаосе и относительности антимира ярче обнаруживают себя противоречия и ненормальности нормального мира, поэтому возвращение к последнему всегда было новым уровнем отношения человека к миру», – констатирует С.М. Козлова [5, с. 122]. Таким образом, любое действие карнавала двойственно по своей сути: отрицание старого в то же время является утверждением нового. Так же двойственен и каждый персонаж карна-

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ СМЕХОВОГО ЭЛЕМЕНТА В НАРОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ КАК ФАКТОР КОРРЕКЦИИ КРИЗИСНЫХ СОСТОЯНИЙ

вала, несущий в себе и идею, и развенчание ее. Отсюда следует, что народный синкретический смех выполняет следующие функции: отражение изменчивости, текучести мира; становление коллективного социального мироощущения через отрицание отрицания (там же).

М.М. Бахтин определил сложную природу карнавального смеха следующим образом: «Это прежде всего праздничный смех. Это, следовательно, не индивидуальная реакция на то или иное единичное «смешное» явление. Он всенароден, ... смеются все, это – смех «на миру»: во-вторых – он универсален, он направлен на все и на всех (в том числе и на самих участников карнавала); ... в-третьих, наконец, этот смех амбивалентен: он веселый, ликующий, и – одновременно – насмешливый, высмеивающий, он и отрицает и утверждает, и хоронит и возрождает» [1, с. 17].

Со второй половины XVII в. происходит процесс постепенного сужения и объединения обрядово-зрелищных карнавальных форм народной культуры. Праздничная жизнь становится либо парадной, либо бытовой, домашней. Особое карнавальное мироощущение с его всенародностью, вольностью, утопичностью, устремленностью в будущее начинает превращаться просто в праздничное настроение. Вместе с тем, народно-праздничное карнавальное начало, по замечанию М.М. Бахтина, «...в сущности, неистребимо. Суженое и ослабленное, оно все же продолжает оплодотворять собою различные области жизни и культуры» [1, с. 41].

В последние годы появилось значительное количество работ о защитных механизмах смеха и его форм. Так, автор современной концепции юмора и смеха Л.В. Карасев, анализируя теорию гиперкомпенсаторной функции смеха, утверждает: «Природа напоминает нам о себе тем, что превращает смех в свой защитный механизм... В медицине давно сформировалось понятие «психосоматические болезни», которые оказываются результатом душевных расстройств, эмоционального голода, неумения давать выход своим чувствам... В западных клиниках уже практикуется методика «смехотерапии», проводится ежегодный конгресс Международного общества по изучению смеха (Бирмингем), один из которых был проведен в онкологиче-

ском центре норвежского города Бергена» [3, с. 53].

Смех, а именно одна из его форм – юмор – эффективное средство преодоления кризисных состояний вследствие того, утверждает М.В. Мусийчук, что «обладает набором свойств, проявляющихся одновременно: способностью производить эмоциональное отстранение; способностью ослаблять напряжение личности или процесса межличностного взаимодействия; способностью кратчайшим путем достичь объективного взгляда на мир и свое место в нем» [7, с. 36]. В ситуации повышенной значимости чего-либо для подростка, когда мотивация становится слишком сильной по сравнению с его реальными возможностями, свойство юмора производить эмоциональное отстранение влечет снижение напряжения и дискомфорта. Еще Аристотель в своих трудах писал, что шутка есть ослабление напряжения, а римский оратор и теоретик ораторского искусства Квинтилиан называл шутку средством умственной разрядки, снятия напряженности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 541 с.
2. Дмитриев А.В. Социология или философия смеха? // СоцИс. – 1996. – № 9. – С. 144-147.
3. Карасев Л.В. Смех – вестник нового мира: беседа с Л.В. Карасевым / вела Т. Милова // Человек. – 1999. – № 6. – С. 52-55.
4. Козинцев А.Г. Смех и антиповедение в России: национальная специфика и общечеловеческие закономерности // Смех: истоки и функции. – СПб.: Наука, 2002. – С. 147-173.
5. Козлова С.М. М.М. Бахтин и современные проблемы теории комического // Проблемы научного наследия М.М. Бахтина. – Саранск, 1985. – С. 115-127.
6. Лихачев Д.С. Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко. – Л.: Наука, 1984. – 295 с.
7. Мусийчук М.В. Генетические свойства юмора как эффективное средство преодоления кризисных состояний личности // Кризис как иррациональное явление: сб. матер. межвуз. научн. конф. Вып. 1. – Магнитогорск, 2002. – С. 35-39.